

Научная статья

УДК 821.111

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-4/39-49>

Поэтика стихотворения Шарлотты Бронте «Сон жены Пилата»

Агата Андреевна Задорожная¹

Научный руководитель: Галина Ивановна Модина²

^{1,2}Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

¹Магистрант, ассистент кафедры романо-германской филологии,

zadorozhnaia.aa@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8091-0435>

²Доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии,

modina.gi@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1179-9666>

Аннотация. Статья посвящена анализу поэтики стихотворения Шарлотты Бронте «Сон жены Пилата». Рассматривается композиция сборника сестёр Бронте «Стихотворения», где материал организован в триптихи и «Сон жены Пилата» открывает первый из них, посвящённый переживанию веры. Анализируются исторический и лирический сюжеты, формирующие жанровое своеобразие стихотворения, выявляются черты, родственные жанру романтической лирической баллады. Исследование позволяет видеть в стихотворении сборника пролог к поэтическому сборнику сестёр Бронте: свет и тьма, центральные мотивы баллады, становятся лейтмотивами книги и организуют её художественное пространство.

Ключевые слова: Шарлотта Бронте, сёстры Бронте, мотив света, мотив тьмы, переживание веры, лирическая баллада, «Сон жены Пилата»

Для цитирования: Задорожная А.А. Поэтика стихотворения Шарлотты Бронте «Сон жены Пилата» // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 4. С. 39–49.

Original article

Poetics of Charlotte Brontë's Poem "Pilate's Wife's Dream"

Agatha A. Zadorozhnaya¹

Scientific advisor: Galina I. Modina²

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

¹Post-Graduate Student, Assistant, Department of Roman and German Philology, zadorozhnaia.aa@dvfu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8091-0435>

²Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Roman and German Philology, modina.gi@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1179-9666>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the poetics of Charlotte Brontë's poem "Pilate's Wife's Dream". It considers the composition of the Brontë sisters' book "Poems" where the

material is organized into triptychs and “Pilate’s Wife’s Dream” starts the first of them, which is devoted to the feeling of faith. It analyzes historical and lyrical plots that form the genre originality of the poem. It reveals that the poem belongs to the genre of romantic lyrical ballad. It discovers that “Pilate’s Wife’s Dream” is a prologue to the poetry collection of the Brontë sisters: light and darkness, central motifs of the ballad, become leitmotifs of the book and organize its artistic space.

Key words: Charlotte Brontë, the Brontë sisters, motif of light, motif of darkness, feeling of faith, lyrical ballad, “Pilate’s Wife’s Dream”

For citation: Zadorozhnaya A.A. Poetics of Charlotte Brontë’s Poem “Pilate’s Wife’s Dream”. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 39–49. (In Russ.).

В конце мая 1846 года лондонское издательство «Эйлот и Джонс» (“Aylott and Jones”) опубликовало тиражом в тысячу экземпляров небольшой поэтический сборник, озаглавленный «Стихотворения» (“Poems”). Расходы, сопряжённые с изданием книги, взяли на себя её авторы – безвестные братья Карпер, Эллис и Эктон Белл [8, p. 73]. Рецензент литературного журнала «Атенеум» (“The Athenaeum”) отметил: семья Беллов обладает «врождённым поэтическим чувством»¹ (“the instinct of a song”), распределённым между братьями «в очень неравных долях» (“in very unequal proportions”) [8, p. 73]. Особого внимания удостоились стихи Эллиса Белла, обладающего, по выражению критика, «сильными крыльями, которые впоследствии подымут автора на высоту, пока им не достигнутую» (“an evident power of the wing that may reach heights not here attempted” [8, p. 73]). В журнале «Критик» (“The Critic”) заявили, что в стихах братьев Белл заключено «больше таланта, чем в это практичное время, предположительно, вкладывают в более возвышенные интеллектуальные упражнения» (“more genius than it was supposed this utilitarian age had devoted to the loftier exercises of the intellect” [8, p. 73]). Несмотря на похвалу литературных критиков, издателям удалось продать всего два экземпляра «Стихотворений» [11, p. v]. Сборник получили и некоторые видные английские писатели того времени: Альфред Теннисон, Джон Гибсон Локхарт, Томас де Квинси и другие – в знак уважения и благодарности за их творчество, горячо любимое Карпером, Эллисом и Эктоном Беллами [11, p. v]. Таковы были первые шаги Шарлотты, Эмили и Анны Бронте на пути к известности. После скромного литературного дебюта сёстры с энтузиазмом принялись за создание своих первых книг. Шарлотта написала роман «Учитель», но издатель отказался печатать книгу «по деловым соображениям», однако добавил, что следующая работа автора будет рассмотрена «с пристальным вниманием» [10]. В 1847 году, вслед за скорой публикацией «Грозового перевала» Эмили и «Агнес Грей» Анны, в свет вышел и роман Шарлотты «Джейн Эйр». Проза сестёр Бронте широко известна, её самобытность и художественные достоинства неоспоримы. «Стихотворения» же не привлекли внимания современников, факт существования этого произведения часто упускается из виду, однако совместная публикация поэтического сборника была важной вехой в творческой биографии сестёр.

Шарлотта, по случаю переиздания романов уже покойных Эмили и Анны, в 1850 году написала «Биографическую заметку об Эллисе и Эктоне Беллах», где поделилась с читателями историей, скрытой за этими псевдонимами [6]. Уединение пасторского дома в Гаворте, графстве Йоркшир, где жила семья Бронте, располагало к творчеству: сочинительство было любимым досугом сестёр Бронте ещё с детства, и они с радостью показывали друг другу свои сочи-

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

нения. Повзрослев, сёстры не оставили литературных занятий, но делиться написанным перестали. Осенью 1845 года Шарлотта, Эмилия и Анна после долгой разлуки воссоединились дома в Гаворте [6]. На рубеже тридцати лет у каждой за плечами были свои радости и разочарования, сёстры оказались единомышленны в нежелании терпеть тяготы жизни гувернанток, но их планы по открытию собственной школы расстроились. Тогда же Шарлотта «случайно наткнулась на тетрадку стихов» Эмилии. Поэзия сестры произвела на Шарлотту неизгладимое впечатление, в ней она «услышала особенную музыку – страстную, печальную, возвышенную» [1, с. 67] (“To my ear they had also a peculiar music – wild, melancholy, and elevating” [6]). Узнав о случившемся, и Анна предложила на суд старшей сестры свои сочинения – Шарлотта нашла в её стихах «неповторимый нежный и искренний голос» (“a sweet sincere pathos of their own” [6]).

С большим трудом Шарлотте удалось разжечь в Эмилии «затаённую искру благородного честолюбия» (“latent spark of honourable ambition” [6]) и убедить в том, что «столь прекрасные стихи должны быть напечатаны» [1, с. 67]. С воодушевлением вспоминает Шарлотта об их решении осуществить задуманное: «Мы очень рано взлелеяли мечту однажды стать сочинителями. Даже разделённые расстоянием и всецело поглощённые делами, мы ни при каких обстоятельствах не отрекались от этой мечты, теперь вдруг обретшей силу и устойчивость: она превратилась в твёрдое намерение. Мы договорились составить небольшую подборку наших стихов и, если возможно, добиться их публикации» [6].

Возможно, жизненные устремления сестёр определило и то, что с детства они видели фамилию Бронте на книжных полках. В 1811 и 1818 годах, после учёбы в Кембридже, их отец, преподобный Патрик Бронте, опубликовал собственные поэтические и прозаические сочинения, главным образом нравоучительные [8, р. 15]. Перу его жены Марии Бронте тоже принадлежал небольшой труд – эссе «Преимущества бедности в религиозных делах» (“The Advantages of Poverty in Religious Concerns” [8, р. 19]). Решив уберечь от волнений отца и брата, сёстры сохранили свой замысел в тайне. «Питая отвращение к огласке», они выбрали себе «христианские мужские имена»: Карпер, Эллис и Эктон Белл. Псевдонимы должны были не только уберечь Шарлотту и сестёр от лишнего внимания, но и позволяли надеяться на объективную оценку литературных критиков [1, с. 68]. Поиски издателей и переговоры с ними взяла на себя Шарлотта. Она сообщала о готовности авторов напечатать книгу за свой счёт. Наследство, оставленное сёстрам их родственницей Элизабет Бренуэлл, позволило покрыть расходы не только на издание «Стихотворений», но и на романы «Грозовой перевал» и «Агнес Грей» [8, р. 24].

В «Стихотворениях» сестёр Бронте звучит печаль об утрате любимых, тоска по дому и дорогие воспоминания, размышления о суетности жизни и неизбежности смерти – последнем испытании на пути к «блаженному берегу». Вместе с тем поэтический сборник пронизан исповедальными интонациями. Лирические герои Шарлотты, Эмилии и Анны переживают сомнения в вере, крушение надежд и муки любви, размышляют о земном уделе и о том, что ждёт за чертой смерти. Сборник насчитывает шестьдесят одно стихотворение: девятнадцать из них принадлежат Шарлотте, Эмилия и Анна написали по двадцать одному стихотворению каждая. Композиция сборника организована особым образом: каждое первое сочинение принадлежит Шарлотте, второе – Эмилии, третье – Анне. Так стихотворения объединяются в триптихи, где всякий раз Шарлотта начинает новую тему, а сёстры развивают её в своём ключе. Заданный ритм сохраняется на протяжении всей книги с небольшими вариациями: стихи Эмилии и Анны следуют за стихами Шарлотты, но сёстры иногда представляют по два стихотворения вместо

одного. Сборник насчитывает пять таких случаев, но тематическое единство «триптиха» всегда сохраняется. Композиция и тематика «Стихотворений» позволяют рассматривать книгу как особое поэтическое «триединство», где три голоса «поют» об одном, но каждый – на свой лад.

Первое стихотворение привлекает особое внимание, поскольку занимает сильную позицию в сборнике. К нему мы обращаемся с целью выявить смысл и значение первого триптиха в книге стихотворений. С этой целью определим тематику стихотворения и проанализируем составляющие его мотивы.

Первый триптих, как и все последующие, открывается сочинением Шарлотты «Сон жены Пилата» (“Pilate’s Wife’s Dream”). Стихотворение написано александрийским стихом и состоит из двух частей: первая насчитывает 23 шестистрочных строфы, а вторая – 3 шестистрочных строфы, всего 156 стихов.

В стихотворении Шарлотты две сюжетные линии – историческая и лирическая. Историческая восходит к «Евангелию от Матфея» и новозаветным апокрифам – «Евангелию Никодима» и «Письму Клавдии Прокулы к Фульвии». В каноническом «Евангелии от Матфея» Клавдия Прокула, жена Понтия Пилата, упоминается только раз. Она заступается за Иисуса Христа во время суда над ним и просит мужа защитить праведника: «Между тем, как сидел он на судейском месте, жена его послала ему сказать: не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него» [3]. Этот же эпизод повторяет неканоническое «Евангелие Никодима»: «И тут издалека прислала ему весть жена его: “Ничем перед тобой (не виновен) тот праведный муж, ибо я много за Него претерпела в эту ночь”» [2].

«Письмо Клавдии Прокулы к Фульвии» – новозаветный апокриф, написанный от лица самой Клавдии. Подруге детства она рассказывает о своём замужестве, рождении сына, назначении мужа проконсулом Иудеи и переезде в Иерусалим. Там она становится свидетельницей чуда: видит, как Иисус Назаретский воскрешает умершую девочку Семиду – дочь еврея Иаира. С первого взгляда Клавдии открывается божественная природа незнакомца: «Я подняла глаза. И вдруг опустила их, как бы пред ярким сиянием солнца. Мне казалось, что чело Его озарено, что венцеобразные лучи окружают Его локоны. Невозможно выразить тебе, что я почувствовала при взгляде на Него. Это было вместе могущественное влечение, ибо неизъяснимая сладость разливалась во всех чертах Его, и тайный ужас, потому что глаза Его издавали блеск, который как бы обращал меня в прах» [4].

Клавдия пишет, что не раз призывала мужа защитить Христа, чего тот и сам желал. Накануне дня казни ей приснился сон: «Я видела Иисуса... Лик Его блистал как солнце... Он, казалось, был готов судить поколения народов, собранных у Его стоп. Мановением Своей десницы Он отделял добрых от злых; первые возносились к Нему... а вторые – низвергались в бездну огня. <...> О какой сон, какое откровение! Лишь только заря зарумянила вершины холмов, я встала, с сердцем, ещё сжатым от ужаса, и села у окна подышать свежим утренним воздухом» [4]. Во время суда над Христом Клавдия посылает за мужем и рассказывает ему о своём сне, где видела Страшный Суд: «Он судил людей, трепетавших перед Ним. И между тенями несчастных, низверженных в бездну пламени, я увидела лица тех, которые теперь требуют его смерти...» [4]. Вопреки ужасу и сомнениям Пилат отдаёт Христа на казнь, в чём вскоре раскрывается: «Ах, почему я не послушался твоих советов, Клавдия? – воскликнул он. – Почему не защитил Того Мудреца ценою жизни моей. Моё гнусное сердце не вкусит более покоя!» [4].

Клавдия завершает письмо рассказом об их с мужем безрадостной судьбе. С тех пор несчастья преследовали Понтия Пилата: он лишился власти, всюду стал отверженным. Клавдия последовала за мужем и разделила его участь, но ни доверия, ни дружбы между супругами не осталось. Их сын умер, но Клавдия не оплакивала его: ребёнок избежал судьбы изгнанника. Утешение она нашла в усвоении Слова Божьего.

Исторический сюжет в стихотворении Шарлотты восходит к историческому факту – сновидению Клавдии Прокулы накануне суда над Иисусом Христом. Спящая Клавдия задевает лампу у изголовья своей постели. Звук удара и меркнувший свет, сопровождающие падение лампы наяву, властно вторгаются в сон лирической героини. Она просыпается, объятая «неизречённым страхом» (“nameless fear” [7, p. 2]).

Во сне Клавдия видит казнь Иисуса Христа, но, пробудившись, не сразу осознаёт произошедшее. Грохот и наступившая тьма, вызванные падением лампы, в пространстве сна соотносятся с чередой бедствий, последовавших за распятием: «От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; <...> Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух. И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись...» [3].

Встревоженная тяжёлым сном и непроглядным мраком Клавдия жаждет как можно скорее встретить солнечный свет утра. Чтобы развеять тревогу, героиня поднимает портьеру и смотрит на звёздное небо над Иерусалимом:

All black – one great cloud, drawn from east to west,
Conceals the heavens, but there are lights below;
Torches burn in Jerusalem, and cast
On yonder stony mount a lurid glow [7, p. 2].

Всё черно – одна большая туча,
протянувшаяся с востока на запад,
Скрывает небеса, но внизу огни;
Факелы горят в Иерусалиме и отбрасывают
На скалистую вершину зловещие блики¹.

«Глухие, мерные удары топора и молотка» (“Dull, measured strokes of axe and hammer” [7, p. 2]) доносятся с вершины горы, где «напротив света / Бледных ламп» (“against the light / Of the pale lamps” [7, p. 2]) возводят крест для скорой казни. Настороженно наблюдая за происходящим, Клавдия постепенно различает то, что пережила во сне:

I see it all – I know the dusky sign –
A cross on Calvary, which Jews uprear
While Romans watch; and when the dawn shall shine
Pilate, to judge the victim, will appear –
Pass sentence – yield Him up to crucify;
And on that cross the spotless Christ must die [7, p. 2–3].

Я вижу всё – я знаю тёмный знак –
Крест на Голгофе, что возвели евреи

¹ Перевод стихотворения выполнен автором статьи.

Под надзором римлян; и когда засияет рассвет,
 Пилат явится вершить над безвинным суд,
 Вынести приговор – отдать его на распятие;
 И на этом кресте безгрешный Христос должен умереть.

Клавдия осознаёт пророческий характер своего сна: «проснувшись, знаю я / О грядущей гибели Христа и жизни Пилата, полной горя» (“awake I know, / Christ’s coming death, and Pilate’s life of woe” [7, p. 3]). Пережив откровение, героиня решает заступиться за праведника перед мужем. Она намерена исполнить долг, возложенный на неё свыше: «Боги избрали меня раскрыть их замысел, / Предостеречь несправедливого судью от злого рока...» (“The gods have chosen me to reveal their plan, / To warn an unjust judge of destiny...” [7, p. 3]).

Клавдия погружается в размышления о собственной судьбе, чувствах к мужу и его характере. Она убеждена, что рассказ об «ужасающем ночном видении» (“night’s appalling vision” [7, p. 5]) встревожит Пилата и он освободит Христа. Вдруг события сна предстают перед лирической героиней как нечто непреложное, давно свершившееся, всем известное. Ей открывается высший смысл грядущего дня:

<...> the vision spread
 Into a world remote, an age to come –
 And still the illumined name of Jesus shed
 A light, a clearness, through the unfolding gloom –
 And still I saw that sign, which now I see,
 That cross on yonder brow of Calvary [7, p. 6].

<...> видение распространилось
 В далёкий мир, в грядущий век –
 И по-прежнему пресветлое имя Христа излучает
 Свет, ясность сквозь сгущающийся мрак –
 И по-прежнему я вижу тот знак, что и сейчас,
 Тот крест на далёкой вершине Голгофы.

Первая часть баллады завершается размышлениями Клавдии о новой вере, принесённой в мир Христом. В глубине души она уже приняла неизвестное ей учение: «Из-за божественного луча, что лежит на нём, / Сияние Олимпа меркнет в моих глазах» (“The ray of Deity that rests on him, / In my eyes makes Olympian glory dim” [7, p. 6]). Клавдия чувствует, что время языческого закона прошло. Заветы древних богов уже не могут направлять духовный путь человека: «Ищущая душа требует света более чистого, / Чтобы он вёл её дальше ввысь» (“The searching soul demands a purer light / To guide it on its upward, onward way” [7, p. 6]). В финале первой части она выносит приговор прежнему миропорядку и с трепетом вопрошает, выдержат ли заветы Христа грядущее испытание:

Our faith is rotten, all our rites defiled,
 Our temples sullied, and, methinks, this man,
 With his new ordinance, so wise and mild,
 Is come, even as he says, the chaff to fan
 And sever from the wheat; but will his faith
 Survive the terrors of to-morrow’s death? [7, p. 6–7].

Наша вера прогнила – все наши обряды осквернены,
Наши храмы запятнаны, и мне кажется, этот человек
Со своим новым законом, таким мудрым и мягким,
Пришёл, как он говорит, отделить зёрна
От плевел; но переживёт ли его вера
Ужасы завтрашней смерти?

Вторая часть стихотворения целиком посвящена долгожданному наступлению нового дня и торжеству рассвета. Пейзаж отражает переживания лирической героини: «И вот! На крыше Храма – на склоне Мориа / Наконец появляется тот ясный алый луч, / Такой желанный, когда была я заперта в ночи...» (“Lo! on the Temple’s roof – on Moriah’s slope / Appears at length that clear and crimson ray / Which I so wished for when shut in by night...” [7, p. 7]). Здесь на первый план выходит экспрессивная лирическая сюжетная линия, её развитие реализовано в динамичном внутреннем монологе героини. Вспоминая видение, Клавдия содрогается от мысли, что решающее слово в вынесении Христу смертного приговора произнесёт её муж. Перед внутренним взором лирической героини предстаёт образ Понтия Пилата, ненавистный её душе (“my soul abhors his mien” [7, p. 4]). Она предаётся размышлениям о далёком прошлом, и внутренний монолог обретает исповедальные интонации.

Клавдия помнит, как «убивающий, рубящий, святотатственный меч» (“His slaughtering, hacking, sacrilegious sword”) Пилата погрузил её родину «во тьму бедствий» (“In dark bereavement” [7, p. 4]). Возвращаясь к трагическим обстоятельствам их встречи, Клавдия вспоминает:

Has he not sought my presence, dyed in blood –
Innocent, righteous blood, shed shamelessly?
And have I not his red salute withstood?
<...>
And I, to see a man cause men such woe,
Trembled with ire – I did not fear to show [7, p. 4].

Разве не искал моего общества он, запятнанный кровью –
Невинной, праведной кровью, пролитой бесстыдно?
И разве я не выдержала кровавый его привет?
<...>
И я, видя, как человек доставляет людям такое горе,
Дрожала от гнева – и не скрывала этого.

Однако Пилат обольстил её и добился любви: «Тогда пришёл он – в очах змеиная улыбка, / На устах какое-то лживое слово, внушающее любовь» (“Then came he – in his eyes a serpent-smile, / Upon his lips some false, endearing word...” [7, p. 4]). Не ведая библейской истории о грехопадении первых людей, Клавдия интуитивно уподобляет Пилата змею-искусителю: она пала, как Ева, прельщённая ложью врага.

Движению лирического сюжета и разрешению конфликта в душе героини созвучны мотивы света и тьмы, ключевых в стихотворении. Клавдия измучена несчастливим браком с жестоким человеком:

He robb’d my youth – he quench’ my life’s fair ray –
He crush’d my mind, and did my freedom slay [7, p. 4].

Он украл мою молодость – он погасил ясный луч моей жизни –
Он сокрушил мою волю и мою свободу уничтожил.

Обстоятельства пробуждения Клавдии в начале стихотворения отражают и её душевное состояние: на протяжении долгих лет она «окутана абсолютным мраком» (“wrapt in utter gloom” [7, p. 1]). Желание увидеть хотя бы один «тёплый животворящий луч» (“warm, creative ray” [7, p. 1]) связано с томлением прежде всего по духовному свету и внутренней свободе.

Заветный свет Клавдия находит в образе Христа – воплощении «богоподобной доброты» (“God-like goodness” [7, p. 6]). Наравне с грядущей гибелью праведника героиня узнаёт о будущей «жизни Пилата, полной горя», и выносит ему собственный приговор: «Я не оплакиваю участь Пилата – кто может оправдать / жалость к нему...» (“I do not weep for Pilate – who could prove / Regret for him...” [7, p. 3]). Но жизни несправедливого судьи и его жертвы связаны: казнив Христа, Пилат не вынесет мук раскаяния и погибнет сам:

I saw the snow around him, stain'd with gore;
I said I had no tears for such as he,
And, lo! my cheek is wet – mine eyes run o'er;
I weep for mortal suffering, mortal guilt,
I weep the impious deed, the blood self-spilt [7, p. 6].

Я видела снег вокруг него, запятнанный кровью;
Я сказала, что у меня нет слёз для такого, как он,
И вот! моя щека влажная – из глаз льются слёзы;
Я оплакиваю смертельную муку, смертельную вину,
Я оплакиваю нечестивый поступок – кровь, пролитую собственными руками.

Размышления о том, как «защитить невинную голову» (“shield the blameless head”) праведника «от жестокой беды» (“from cruel hurt” [7, p. 5]), незаметно рождают в душе Клавдии скорбь о судьбе мужа. Лирическая героиня, озарённая образом Христа, безотчётно следует христианскому вероучению и совершает духовный подвиг, прощая Пилата и оплакивая его. Рассвет во второй части стихотворения знаменует совершившееся движение души Клавдии от тревоги, страха и тьмы к свету: «Я чувствую, вера более непреклонная – надежда более возвышенная / Восходит в моей душе – она осеняет её вместе с рассветом» (“I feel a firmer trust – a higher hope / Rise in my soul – it dawns with dawning day” [7, p. 7]).

Внутреннее преображение лирической героини резонирует с изменением всего миропорядка. Стихотворение завершается столкновением света и тьмы: «В небесах предрассветные сумерки всё ещё борются с ясным светом дня...» (“Dusk dawn in heaven still strives with daylight clear...” [7, p. 7]). Клавдия наблюдает за самым ходом Времени: тьма языческой эры постепенно отступает перед светом «мудрого и милосердного» (“wise and mild” [7, p. 6]) закона Христа.

Стихотворение заканчивается предчувствием скорого торжества света над тьмой, но сам момент торжества остаётся за границей произведения. Клавдия с трепетом ожидает чуда: все сомнения и страхи падут перед ним навсегда. Финал стихотворения совпадает с высшей точкой духовного напряжения в жизни мира и в сознании лирической героини:

This day, Time travails with a mighty birth;
This day, Truth stoops from heaven and visits earth;
Ere night descends I shall more surely know
What guide to follow, in what path to go;

I wait in hope – I wait in solemn fear,
The oracle of God – the sole – true God – to hear [7, p. 7].

В этот день Время страдает от мук великого рождения;
В этот день Истина спустится с небес и посетит землю,
Прежде чем опустится ночь, я уверюсь в том,
За каким ориентиром следовать, каким путём идти;
Я жду в надежде – ожидаю в священном страхе,
Завет Бога – единственного – истинного Бога – услышать.

В стихотворении «Сон жены Пилата» отразилось переживание веры, свойственное самой Шарлотте Бронте в юности. Шарлотту мучили сомнения в вере, о чём она часто писала подругам в 1836–1837 годах. В её письмах возникают мотивы света и тьмы: свои духовные искания она связывала с этими категориями. Подобно лирической героине стихотворения, Шарлотта страстно желала приблизиться к Истине и навсегда освободиться от сомнений: «Меня сегодня мучают такие чёрные, ужасные сомнения, что я бы согласилась тотчас поседеть, пожертвовать своей юностью и оказаться на краю могилы ради надежды на примирение с Богом и на искупление заслугами Сына Божия» [1, с. 35–36] (“I am in that state of horrid, gloomy uncertainty that, at this moment, I would submit to be old, grey-haired, to have passed all my youthful days of enjoyment, and to be settling on the verge of the grave, if I could only thereby ensure the prospect of reconciliation to God, and redemption through his Son’s merits” [9]). Она писала, что ей знакомы «проблески возвышенного и невыразимого» (“glimpses of holy, inexpressible things”), но мучилась хрупкостью едва обретённого прозрения: «Всё это может, разумеется, рассеяться как дым, и снова меня поглотит ночная тьма, но я молю всемилостивейшего Искупителя, чтобы забрезживший мне свет, ежели это свет евангельский, сияя, разгорелся в лучезарный день» [1, с. 35] (“it may all die away, and I may be in utter midnight, but I implore a merciful Redeemer, that, if this be the dawn of the gospel, it may still brighten to perfect day” [9]). Эта особенность мироощущения Шарлотты определяет финал стихотворения: духовный экстаз Клавдии должен разрешиться торжеством света, но недосказанность оставляет место сомнению и страху, что лирическая героиня вновь окажется во тьме.

Жанровое своеобразие стихотворения «Сон жены Пилата» определено взаимодействием двух сюжетных линий – исторической и лирической. Исторический сюжет, восходящий к «Евангелию от Матфея» и апокрифам, сообщает сочинению Шарлотты Бронте черты исторической поэмы. Чувства лирической героини обрамлены изображением объективной исторической действительности, и Клавдия Прокула – её участник. Сон Клавдии, существующий на границе исторического и лирического сюжетов, отсылает к жанру пророческого видения: героине открывается не только будущее Христа и Пилата, но и судьба христианского учения. Под влиянием видения Клавдия обращается к прошлому, и внутренний монолог обретает черты лирической исповеди, завершающейся духовным перерождением. Синтез эпического, драматического и лирического начал позволяет отнести произведение Шарлотты Бронте к жанру лирической баллады. Обращение к этой поэтической форме, возможно, связано с влиянием «Лирических баллад» С.Т. Кольриджа и У. Вордсворта, с их творчеством Шарлотта была хорошо знакома [5, с. 9].

Лирическая баллада «Сон жены Пилата» – пролог к поэтическому сборнику сестёр Бронте. Свет и тьма, центральные мотивы баллады, проходят через «Стихотворения» красной

нитью и становятся лейтмотивами книги. Заданная Шарлоттой тема переживания веры организует первый триптих, куда входят стихотворения «Вера и уныние» Эмили и «Воспоминание» Анны.

Список литературы

1. Гаскелл Э. Шарлотта Бронте: пер. с англ. Т. Казавчинской // Эти загадочные англичанки. М.: Прогресс, 1992. С. 27–78.
2. *Евангелие Никодима* // Апокрифические сказания об Иисусе, Святом Семействе и Свидетелях Христовых.
URL: http://krotov.info/acts/01/joseph/apok_37.html (дата обращения: 17.11.2024).
3. *Евангелие от Матфея* // Новый Завет. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/mf/27/> (дата обращения: 17.11.2024).
4. *Письмо Клавдии Прокулы к Фульвии* // Новозаветные апокрифы.
URL: <http://apokrif.fullweb.ru/apocryph1/prokula-to-silvii.shtml> (дата обращения: 17.11.2024).
5. Соколова Е.А. Традиции романтизма в творчестве Шарлотты Бронте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. 16 с.
6. Brontë C. Biographical Notice of Ellis and Acton Bell // Biographical Notes on the Pseudonymous Bells. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/771/pg771-images.html> (дата обращения: 17.11.2024).
7. Brontë C. Pilate's Wife's Dream // Poems by Currer, Ellis, and Acton Bell. London: Smith, Elder and Co., 1846. P. 1–7.
8. Dinsdale A. The Brontës at Haworth. London: Frances Lincoln Ltd, 2006. 160 p.
9. Gaskell E.C. The Life of Charlotte Brontë. Volume 1.
URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/1827/pg1827-images.html> (дата обращения: 17.11.2024).
10. Gaskell E.C. The Life of Charlotte Brontë. Volume 2.
URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/1700/pg1700-images.html> (дата обращения: 17.11.2024).
11. Shorter C. A Bibliographical Note // The Complete Poems of Emily Brontë. New York: Hodder and Stoughton, 1908. P. v–vi.

References

1. Gaskell E. Charlotte Brontë: Trans. From Eng. by T. Kazavchinskaya. *These mysterious Englishwomen*. Moscow: Progress, 1992. P. 27–78 (In Russ.).
2. *Gospel of Nicodemus. Apocryphal Stories about Jesus, Holy Family and Witnesses of Christ*. URL: http://krotov.info/acts/01/joseph/apok_37.html (accessed: 17.11.2024). (In Russ.).
3. *Gospel According to Matthew. New Testament*. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/mf/27/> (accessed: 17.11.2024). (In Russ.).
4. *A Letter from Claudia Procula to Fulvia. New Testament Apocrypha*. URL: <http://apokrif.fullweb.ru/apocryph1/prokula-to-silvii.shtml> (accessed: 17.11.2024). (In Russ.).
5. Sokolova E.A. Traditions of Romanticism in the Oeuvre of Charlotte Brontë: Abstract of PhD (Philology) thesis. Saint-Petersburg, 1995. 16 p. (In Russ.).

6. Brontë C. Biographical Notice of Ellis and Acton Bell. *Biographical Notes on the Pseudonymous Bells*. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/771/pg771-images.html> (accessed: 17.11.2024).
7. Brontë C. Pilate's Wife's Dream. *Poems by Currer, Ellis, and Acton Bell*. London: Smith, Elder and Co., 1846. P. 1–7.
8. Dinsdale A. The Brontës at Haworth. London: Frances Lincoln Ltd, 2006. 160 p.
9. Gaskell E.C. The Life of Charlotte Brontë. Volume 1. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/1827/pg1827-images.html> (accessed: 17.11.2024).
10. Gaskell E.C. The Life of Charlotte Brontë. Volume 2. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/1700/pg1700-images.html> (accessed: 17.11.2024).
11. Shorter C. A Bibliographical Note. *The Complete Poems of Emily Brontë*. New York: Hodder and Stoughton, 1908. P. v–vi.

Статья поступила в редакцию / Received 25.11.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 30.11.2024

Принята к публикации / Accepted 06.12.2024